

Протоиерей Александр Борисов: Я просил солдат не поднимать оружия

«Мы подошли к танку, я стучу. Крышка танка открывается. Спрашиваю: "Ребята, сколько вас там человек?" Молчат, растеряны. "Это военная тайна? Мы хотим вам Евангелие дать". — "О, нас тут шесть человек. Давайте", — высовываются руки».

«Правмир» предложил своим читателям прогуляться по Москве двадцатипятилетней давности вместе с протоиереем Александром Борисовым.

Путч 1991 года. Как это было?



На Красной площади с памятной фотографией

Прошло 25 лет с тех пор, как в августе 1991 г. в нашей стране случился путч. Попытка государственного переворота. Появилось правительство, давшее себе название ГКЧП (Государственный комитет по чрезвычайному положению). Находящегося в отпуске президента СССР Михаила Горбачева гэкачеписты объявили недееспособным, и вместе с семьей он оказался запертым на крымской даче в Форосе.

В Советском Союзе объявили чрезвычайное положение, а в Москву ввели танки. Эти горячие три дня — 19-21 августа — навсегда войдут в историю. Невероятное

единение народа и только нарождающейся демократической власти, новый российский флаг — триколор, новый лидер — Борис Ельцин.

Многое, о чем мечтались людям в те дни, не сбудется. Но эти три дня в августе станут поворотной точкой в развитии страны — коммунистическая партия закончит свое существование, а Россия выберет демократический путь развития. И случится все это на праздник Преображения Господня.

Все три решающих для страны дня протоиерей Александр Борисов проведет на московских улицах. Депутат Моссовета, настоятель храма св. бессребреников Космы и Дамиана, он станет автором знаменитого воззвания к солдатам, пронесет вместе с тысячами людей триколор до Красной площади и отслужит панихиду по погибшим.

Пошел в народ

— Депутатом впервые всенародного избранного Моссовета я стал благодаря Институту ядерных исследований им. Курчатова. Его сотрудники меня и выдвинули на эту должность. Они меня знали еще по работе в Академии наук. Позвонили и сказали, что раз уж вы и так в народ пошли, давайте идите и дальше.

«В народ пошли» — это имелось в виду, что я оставил свою научную деятельность и пошел служить в Церковь. Кстати, я был не один священник в Моссовете, депутатами работали отец Василий Фонченков и отец Владимир Тимаков. Я тогда еще был клириком храма Знамени Божией Матери у метро «Речной вокзал».

А в мае 1991 г. Патриарх Алексий II своим указом назначил меня настоятелем вновь созданной общины, в которую вошли многие прихожане отца Александра Меня, убитого в сентябре 1990 г. Тогда начался процесс возвращения храмов верующим, и нам, благодаря усилиям Екатерины Юрьевны Гениевой и по распоряжению Юрия Лужкова, был передан храм св. бессребреников Космы и Дамиана в Столешниковом переулке. Прямо напротив здания Моссовета на Тверской. Поэтому, когда начались августовские события 1991 г., мы оказались в самом их центре.

Тихий и мирный город Москва

Вечером 18 августа в небольшом помещении храма мы совершили молебен накануне праздника Преображения. Всенощную и литургию было служить еще невозможно. Все здание по-прежнему занимала типография Министерства культуры СССР, которая должна была выехать и ей уже подыскивали помещение, но она не торопилась. Помню, когда уже узнали о путче, типографские рабочие радостно потирали руки и говорили, что вот сейчас коммунисты вернутся, и они вам покажут.

В тот вечер я служил молебен вместе со своим старым другом, отцом Михаилом Аксеновым из Соединенных Штатов. Он уехал в Америку в том же 1972 г., когда я ушел из Академии наук и поступил в Московскую семинарию. И вот он приехал в Москву, как многие сотни других русских иностранцев, на Первый конгресс соотечественников, который как раз собрали в августе 1991 г. Он мне потом рассказывал, что когда начался путч, некоторые участницы этого конгресса кричали в истерике, что советская власть нарочно все подстроила и собрала всех их здесь, чтобы уничтожить.

Но 18 августа ничто не предвещало бури. Наоборот, было как-то радостно и спокойно. Отслужив молебен, мы попили чайку с прихожанами, очень мило пообщались. И поехали с отцом Михаилом ко мне домой. Помню, по дороге он все восхищался, какой мирный, тихий, теплый город Москва.

У нас дома мы посмотрели по телевизору программу «Время», в конце которой передавали астрологический прогноз. Я его обычно не смотрю, но в этот раз мы как-то не сразу выключили телевизор, и я почему-то запомнил, что всезнающие астрологи предсказали удачу в любовных делах тельцам и, кажется, овнам, а вот про путч не было ни намека.

Солдат — не убий!

Утром 19-го я поехал служить раннюю литургию, которая начиналась в семь часов, в храм на Речном вокзале, во время службы мы и узнали о путче. И после я сразу отправился в Моссовет, понимая, что надо как-то реагировать на эти события, как-то им противостоять. К моменту моего появления уже собралось много депутатов. Созвали экстренное собрание, и я на нем предложил написать обращение к войскам от Моссовета. Эта идея была с восторгом принята, но я понимал, что одно дело идея, другое дело сам текст обращения. Кто его будет писать? Время поджимало, и я взялся его сочинять.

Он довольно быстро у меня родился. Я обращался к солдатам и говорил, что коммунисты вновь хотят использовать их против собственного народа, хотят повернуть историю вспять. Сейчас происходят важные изменения. Коммунистическая партия себя окончательно дискредитировала. И в конце я просил солдат не поднимать оружия против своих же братьев и сестер. Заканчивалось воззвание словами: «Солдат — не убий!» Обращение тут же было рассмотрено президиумом Моссовета и

единогласно принято.

Была проблема его размножить. Тогда же никаких ксероксов еще не было. Но кто-то из депутатов быстро нашел типографию, где нам напечатали тираж. Кстати, этим же тиражом напечатали и воззвание Бориса Ельцина. И к 20 августа обращение Моссовета было готово. Я же взялся его раздать военным.

Вечером 19 августа я зашел в Российское библейское общество, которое недавно открылось в Москве, я там тоже трудился. Оно тогда находилось в Вишняковском переулке неподалеку от Пятницкой улицы, рядом с моим домом. И его сотрудники во главе с исполнительным директором Анатолием Руденко предложили вместе с моссоветовскими листовками и воззванием Ельцина раздавать войскам Евангелие. Такой вот получился «демократический» набор.

Евангелие тогда было еще редкостью в Москве. Его только-только стали присылать к нам вместе с гуманитарной помощью. Российское библейское общество как раз получило около трех тысяч Евангелий американского издательства «Геден» (синодальный перевод на русский язык) маленького, карманного формата. У Библейского общества был свой автобус-ПАЗик, в который мы загрузили коробки с Евангелием (более двух тысяч штук) и пачки листовок. И где-то около двух часов дня 20 августа поехали их раздавать.

По одному евангелию в руки

По Пятницкой мы доехали сначала до Болотной площади, где встретили первые танки. Я вышел из автобуса в рясе с крестом и депутатским значком, с коробкой Евангелий и листовками. Со мной еще прихожанки из нашей космодемьянской общины и несколько сотрудников Библейского общества.

Милиція как-то в растерянности смотрит на меня, не знают, как реагировать — священник, депутат Моссовета. Я им объясняю, что мы идем к солдатам, чтобы передать им Евангелия. Не стали говорить, что еще принесли обращение Ельцина и Моссовета, чтобы не вызывать лишней реакции на политический нюанс происходящего. Нас пропустили.

Мы подошли к танку, я стучу. Крышка танка открывается. Спрашиваю: «Ребят, сколько вас там человек?» Молчат, растеряны. «Это военная тайна? Мы хотим вам Евангелие дать». — «О, нас тут шесть человек. Давайте». Высовываются руки. Надо сказать, что все охотно брали Евангелия, а с ним обращения Ельцина и Моссовета. И так мы от танка к танку продвигались.

Проехали на автобусе через всю Болотку, переехали по Большому Каменному мосту, завернули к Боровицкой площади, мимо Библиотеки Ленина, затем к Охотному ряду, гостинице «Москва», по Пушкинской улице (ныне Большая Дмитровка) доехали до нашего храма в Столешниковом переулке.

И на всем этом пути стояла боевая техника. Вообще удивительно, как наш ПАЗик свободно передвигался по центру Москвы. Ведь в те дни движение было перекрыто, на дорогах — только военные. Но вот Господь так устроил, что нас везде пропускали.

Вокруг танков собирался народ. Кто-то давал солдатам поесть, попить. Очень дружелюбно их принимали. Люди стали у нас просить Евангелия. Но мы говорили: нет, вам пока не будем давать, потому что у вас нет ни танков, ни автоматов, а надо вот солдатам дать, может, они тогда в нас не будут стрелять. И только один военный отказался брать. Может быть, он был мусульманином. Или просто побоялся. Не знаю. Сотрудники Библейского общества поехали уже без меня (я остался в храме по каким-то делам) к Белому дому и его защитникам раздавали Евангелие.

Панихида на балконе Белого дома

В ночь с 20 на 21 августа была попытка штурма Белого дома, и в тоннеле под Садовым кольцом погибли трое ребят — Дмитрий Комарь, Илья Кричевский и Владимир Усов. Услышав об этой трагедии, мы с нашими прихожанами 21 августа в середине дня сколотили из двух досок крест и пошли с ним к этому тоннелю. Нам было важно обозначить, что мы не просто идем, а с крестом.

На месте гибели на асфальте еще оставалась кровь. Лежали живые цветы. Мы отслужили панихиду. На следующий день мы пошли к Белому дому и на его балконе еще раз служили панихиду. Туда непросто было попасть, балкон серьезно охранялся, но я как депутат туда прошел и провел своих прихожан, хор.



22 августа 1991 г. Пронесят флаг России.
В первых рядах колонны идет отец Александр Борисов

Мне впервые пришлось служить перед таким огромным количеством народа. Я обратился к людям со словами, что вот эти трое молодых ребят пострадали за нашу свободу, что они мученики, и давайте о них помолимся, чтобы Господь их принял. Чувствовалось тогда невероятное единство среди собравшихся людей. Видно было, что панихида еще больше их сплотила. Тогда же родилась идея снять огромный флаг-триколор — флаг новой России, который опоясывал балкон и был метров 80 длиной, и пойти с ним на Красную площадь.

Быстро нашлись ребята, которые отцепили триколор, бросили вниз. И вся эта многотысячная толпа взялась за его края, и мы двинулись по Новому Арбату. Грандиозное было шествие. Когда проходили мимо нашего «Пентагона» на Арбате (Министерство обороны), все кричали: «Позор, позор!»

Тогда было чувство, что надо нам всем объединяться за новую Россию. Ведь до этого все три дня не отпускала тягостная тревога, что ростки демократии могут быть уничтожены. А уж когда узнали, что зачинщики ГКЧП арестованы, то как гора с плеч свалилась, такое было огромное облегчение, что, слава Богу, все закончилось сравнительно малой кровью.

Реакция Святейшего

22 августа состоялся митинг у Моссовета, выступали Шеварднадзе, Лужков и многие другие политики. Я поехал с митинга в Патриархию доложить обстановку Его Святейшеству. Алексия II я не застал, объяснил секретарше, что хотел бы сообщить Патриарху о происходящем в центре Москвы. Секретарша мне показала, по какому телефону я могу со Святейшим связаться. Мы были лично знакомы с Алексием II, поскольку я как депутат с ним встречался.

Я рассказал ему про обращение, которое написал от лица Моссовета. Святейший поинтересовался, а было ли это обращение принято на президиуме. Я сказал, что да, единогласно. Также я осмелился сказать Его Святейшеству, что, конечно же, не имею права что-то ему подсказывать, но все ждут его реакции. Он помолчал немного и ответил: «К вечеру реакция будет». И действительно, вскоре

появилось его обращение, в котором говорилось о том, что закончилась эпоха подавления Церкви атеистической властью коммунистов. Что мы входим в новое время.

Патриарх обратился ко всем чадам Русской Православной Церкви, ко всему нашему народу и особенно к воинству нашему в этот критический для Отечества момент с призывом проявить выдержку и не допустить пролития братской крови. Вскоре в «Известиях» вышла статья Патриарха Алексия II, небольшая, но очень энергичная, на тему путча.

Вообще Церковь не была в стороне от августовских событий. 24 августа, когда хоронили троих погибших ребят, несколько епископов и видных священнослужителей приняли участие в траурной процессии от Манежной площади до Ваганьковского кладбища, где похоронили погибших.

Вновь на баррикады

В октябре 1993 г. снова разразился политический конфликт в Москве, и вроде бы была схожая ситуация — тоже звали людей на баррикады. Помню, один молодой человек прибежал вечером к нам в храм, стал рассказывать, что в Моссовете дают оружие, пойдете туда, будем защищать. И мне сразу вспомнился поп Гапон, и я сразу про себя решил, что ни в коем случае не хочу оказаться в подобной роли. Я твердо сказал прихожанам, что никуда за оружием мы не пойдём, а закроем храм, разойдемся все по домам и будем молиться. Всё.

Была уже совершенно другая ситуация, и участвовать церковным людям в вооруженном противостоянии ни в коем случае не следовало. Слава Богу, что тогда этот конфликт не перерос в гражданскую войну. Потому что Россия была тогда на грани. И было по-настоящему страшно. Вскоре после этих событий Патриарх Алексий II выступил с обращением, в котором говорилось о том, что духовенство не должно вступать в политические партии и баллотироваться в представительные органы власти.

А в 1991 г. все было сделано правильно. Даже участие в то время духовенства в работе представительных органов власти было необходимо. Церковь все-таки существенное образование в любом государстве, в России тем более. Тогда депутаты в большинстве своем вообще ничего не знали о Церкви, как с ней взаимодействовать.

Был такой эпизод. В марте 1990 г. проходило заседание Моссовета, на котором обсуждалось торжественное открытие демократически выбранного столичного органа власти. Назначили день открытия в апреле, все за него проголосовали. А я смотрю, что это Страстная Пятница. И я пишу записку Сергею Станкевичу, заму председателя Моссовета Гавриила Попова, что хорошо бы перенести дату открытия на несколько дней позже, поскольку это Страстная неделя, люди готовятся к Пасхе. Давайте встретим Пасху и на Светлой седмице проведем торжественное заседание, и откроем новый демократический Моссовет. Станкевич зачитал мое предложение депутатам, и они горячо поддержали меня.

Просто люди тогда ничего не знали и даже не рассматривали свою жизнь в связи с церковными праздниками. Сегодня, я думаю, священникам не следует активно участвовать в политической жизни. Я совершенно согласен с отцом Александром Менем, который говорил, что у нас огромное поле своей, священнической деятельности, работы, которую за нас ни один мирянин не может выполнять.

Уроки путча

Главный урок — коммунистическая власть себя исчерпала. И нет возврата советской власти с ее ложью, неэффективной экономикой, дефицитом, очередями. И когда люди сейчас вспоминают, что вот при советской власти было лучше, что продавали дешевую колбасу, то они забывают, что эту колбасу на Камчатку возили из Москвы, потому что там ничего не было. Не помнят, как стояли закрытые храмы, как людям приходилось скрывать не просто свои религиозные убеждения, а даже симпатии.

Сегодня же человек имеет все возможности узнавать о своей христианской вере, которая, собственно, и сформировала наше государство, нашу историю и нашу культуру. Удивительно, что осознание этой мысли пришло с 1000-летием Крещения Руси, которое мы праздновали в 1988 г. Конечно, не все сразу становятся верующими. Но те, кто верует, кто ищет духовного содержания жизни, имеют сегодня для этого все возможности.

И с этого времени настала полная свобода нашей Церкви. Никогда за всю историю России не было столько духовной литературы. В сущности, наш народ впервые получил возможность читать Библию. В XIX веке сделали перевод Священного Писания на русский язык, но 80 процентов населения было неграмотным. В XX веке все стали грамотными, но не было Библии. А сейчас есть и то, и другое. Так что есть надежда, что наш народ наконец будет читать Слово Божие и учиться жить по нему. Не сразу, конечно, но это уже одна из главных задач нашей церковной работы.

Демократия не рождается в один год. И чтобы народ научился ответственности за жизнь в своей стране, на это должно уйти немало времени. 70 лет людей приучали к тому, что все зависит только от руководства страны, от компартии, а народ должен послушно все выполнять. Я думаю, что как раз задача Церкви — воспитание чувства ответственности: человек должен быть добросовестным работником, благочестивым христианином, ответственным семьянином.

Отец Александр Мень точно говорил, что 1917 год нанес такой урон российской духовности, культуре, экономике, что понадобится несколько поколений, чтобы последствия его преодолеть. Он называл Евангелие самой антисоветской книгой. Так что нам не обязательно вмешиваться в политические процессы. Наша задача — проповедовать Евангелие. Иисус нам заповедовал именно это.

У апостола и евангелиста Марка даже сказано: «Проповедуйте Евангелие всей твари» (Мк 16:15), то есть всему миру проповедовать. И наше отношение ко всему миру, одушевленному и неодушевленному, должно быть евангельским. Мы должны спасать мир от взаимоуничтожения, вражды, ненависти. Это делается не сразу. Потому Господь и говорит: «Жатвы много, а делателей мало. Молитесь Господину жатвы, чтобы послал делателей на жатву Свою» (Мф 9:37–38).



Текст: Елена Алексеева

Фото: Вадим Кантор

Источник: <http://www.pravmir.ru/protoierey-aleksandr-borisov-ya-prosil-soldat-ne-podnimat-oruzhiya/>